

Т. Д. Скрынникова

**«ЭРДЭНИЙН ЭРИХЭ» О ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В ХАЛХЕ 1636-1736 ГГ.**

DOI 10.25882/cwt2-7q05

Анализ материала летописи «Эрдэнийн эрихе» показывает, что правовое поле Халхи XVII в. находится в стадии формирования при взаимодействии разных юридических концептов, что определялось изменением политической ситуации в регионе - вхождение в состав Цинской империи. Характер новых властно-управленческих практик определялся рядом постановлений, указов, распоряжений, законов: jarliᠢ, который исходил только от императора; продолжением действия прежних законов - čaᠭaja, jirum; новыми законами, диктуемыми маньчжурами - qauli, dūrim), значение которых в политической культуре монго лов представляет большой интерес.

Ключевые слова: Халха XVII в., постановления, указы, распоряжения, законы, jarliᠢ, čaᠭaja, jirum, qauli, dūrim.

T.D. Skrynnikova

***Erdeni-yin erike about the imperious relations in Khalkhe
(1636-1736)***

The analysis of material of the chronicle «Erdeni-yin Erike» shows that the legal framework of Khalkh of the XVII century is in a formation stage in the interaction of different juridical concepts that was defined by change of a political situation in the region - entry into structure of the Qing empire. The kinds of the new imperious and administrative practices were defined by a number of resolutions, decrees, orders, laws: jarliᠢ which proceeded only from the emperor; action of the former laws - čaᠭaja, jirum; the new laws recommended by Manchurians - qauli, dūrim). Their value is of great interest for political culture of the Mongols.

Keywords: Halkh the XVII century, resolution, decrees, orders, laws, jarliᠢ, čaᠭaja, jirum, qauli, dūrim.

Текст данной летописи, написанной в середине XIX в. тайджи Галданом-тусалагчи, представляет безусловный интерес для

исследования формирования и эволюции лексики политической культуры монголов. Необходимость исследования происхождения и эволюции различных форм властно-управленческих структур у кочевников монгольских степей определяется важностью теоретического осмысления монгольских управленческих практик, приобретающих особую актуальность в переломные периоды монгольской истории. XVII в. в истории Монголии отличает то, что после трех веков забвения, монголы проявляются на политической арене как активные акторы, что актуализировало возрождение тех констант политической культуры, которые способствовали институционализации социальных и политических структур, и появлению новых форм властных отношений. Особенности типов и форм традиционных структур власти в Монголии, различающихся как территориально, так и стадияльно определялись изменениями в политической организации на протяжении рассматриваемого периода. Материалы летописи Эрдэнийн эрихэ представляют большой исследовательский интерес потому, что в ней языком XIX в. излагаются события двухсотлетней давности: исторически факты XVII в. передаются социально-политическим лексиконом, отражавшим политическую культуру более позднего периода.

Титулам властной элиты Монголии рассматриваемого периода мною была написана и опубликована специальная статья [Скрынникова 2017]. Следует обратить внимание на то, что официальный титул маньчжурского императора (Qvangdi) упоминался тусалагчи Галданом редко. Но важным фактом политической культуры является то, что только рядом с этим титулом в тексте мы встречаем упоминание сакральной субстанции - харизмы, которая прежде приписывалась лишь Чингис-хану и его потомкам, что давало претенденту легитимное право на верховную власть. Первый раз тусалагчи Галдан упоминает такой титул маньчжурского императора - «Manju qan Taitszung gegen sutu quvangdi» [ЭЭ 1883: с. 1], где слово sutu переводится как «обладающий харизмой», а полная титулатура маньчжурского императора звучит так: «маньчжурский хан, тайцзун, светлейший, харизматичный хуанди». Во втором случае, связанном с событиями 80-х годов XVII в., тусалагчи Галдан использует другой концепт - sūr: примирение халхаских князей произошло благодаря «удивительной харизме и

мудрости императора» (quvangdi-yin γayiqamšiy-tu sūr erdem-eče [ЭЭ, 1883. С. 21]). Ни к кому больше концепты, обозначающие харизму в монгольском языке, тусалагчи Галданом не применялись.

Гораздо чаще по отношению к императору употреблялся характерный для монгольской политической культуры маркер верховной власти- титул Qaγan [ЭЭ 1883: с. 7, 33, 38]. Даже императорский трон маньчжурской династии в Китае обозначался Галданом-тусалагчи как «хаганский престол»: в 1662 г. «Энхэ Амугулан воссел на хаганский престол» («Engke amuyulang qaγan širegen-dü sayuji» [ЭЭ 1883: с. 7]), хотя интронизация состоялась не перед восьмью белыми юртами в Эджэн-Хороо, как это было в монгольской традиции и что прежде отмечалось в летописях XVII в. Присвоение титула хаган легитимизировало претензии на верховную власть, что согласовывалось с монгольской политической традицией. С включением монголов в состав цинской империи значение титула хаган сохраняется, он маркирует верховную власть, которую монголы признают за маньчжурским императором. Часто титул qaγan сочетался с другими словами, указывавшими на его, маньчжурского императора, исключительное качество. Например, маньчжурский император обозначается также как Великий хаган (Yeke Qaγan [ЭЭ 1883: с. 6]) или Верховный хаган (Degedü Qaγan [ЭЭ 1883: с. 9, 11]).

Особого внимания заслуживают дополнительные слова-маркеры gegen и boγda. Выше говорилось о том, что только маньчжурский император был отмечен тусалагчи Галданом как обладатель харизмы, одним из внутренних свойств которой, как известно, было сияние, свет. Потому становится возможным обозначение маньчжурского императора титулами, содержащими указание на это качество: Светлость хагана (Qaγan-u gegen [ЭЭ, 1883. С. 39]) или Светлость великого богдо хагана (Yeke boγda qaγan-u gegen [ЭЭ, 1883. С. 23]).

Следует заметить, что значение включенного в последнюю титулатуру термина boγda, было выработано еще в рамках традиционной политической культуры [Скрынникова 2017: 31]. Маньчжурский император также удостоился обозначения этим термином: Boγda [ЭЭ 1883: с. 28] или Богда-владыка (Boγda ejen [ЭЭ 1883: с. 18, 20, 23, 28, 37, 39]). Boγda и Boγda ejen, как и выше упоминаемые qaγan-u gegen, употребляются как маркеры, которые подчеркивают сакральность верховной власти маньчжурского

императора.

Употребляется по отношению к маньчжурскому императору также титулы Ejen (Владыка) [ЭЭ 1883: с. 23, 29], Высший владыка (Degedü ejen [ЭЭ1883: с.20]). Неслучайно и обозначение маньчжурского императора титулом Владыка-хаган (Ejen qaγan [ЭЭ 1883: с. 40]). В данной летописи в монгольской титулатуре маньчжурских императоров используются традиционные концепты, маркирующие верховную власть, с добавлениями дополнительных определений, усиливающих их значение. Все эти маркеры верховной власти, употребляемые в тексте «Эрдэнийн эрихэ» только по отношению к маньчжурскому императору, свидетельствуют о признании халхасами его права на верховную власть над монголами, явно признают его значение владетеля, в данных случаях Халхой, поскольку отмечается его право издавать повеление, устанавливать мир, одаривать милостями ее население.

Высшие властные полномочия, маркируемые термином jarliγ, тоже приписывались императору: выражения jarliγ-iyar, jarliγ-un bičig относились только к нему и маркировали его указы или распоряжения, направляемые представителям монгольской властной элиты.

Анализ терминов, обозначавших статусы лиц, вовлеченных в властно-управленческие практики (ханы, джиноны, нойоны, тайджи, малые тайджи, табунаны) [Скрынникова 2017: с. 31-33], а также функций как сохранившихся традиционных, так и новых зарождающихся и сформировавшихся институтов, реализовывающих административные задачи, позволяет выявить динамику управленческих структур монгольского общества. Важной чертой новых качеств властных отношений является появление новых обязанностей представителей аристократической элиты: с усложнением политической структуры монгольского общества усложняются и их управленческие функции. Управление определенной административной единицей обозначалось глаголом «возглавлять»: например, Sünid ayimaγ-un terigülegsen kümün Tenggis [ЭЭ 1883: с. 2] («Возглавлявший Сунитский аймак Тэнгис»), т.е. править аймаком. И возглавлявший административно-территориальную единицу обозначался как «дарга», о чем свидетельствует упоминание Тушету хана Чихун-дорджи, который

вслед за Гомбо, отцом своим, стал даргою на восточной стороне [ЭЭ 1883: с. 57] (Jegün γar-tu daruγ-a [ЭЭ, 1883: с. 5]). Правителей, перешедших со своими подданными под власть маньчжуров, награждали новыми титулами. Так, в 1653 г. тайчжи Бунтар, сын Рахули, который, в свою очередь, был сыном младшего брата Абатайхана, «взявши многих, пришел поддаться. Его возвели в достоинство цзасак цинь-вана и посадили на кочевье по реке Таргун, за Калганом» [ЭЭ 1883: с. 57].

Взаимоотношения монгольских элит с маньчжурским императором, как говорилось выше, регулировались выпускаемыми им указами (jarliγ), тогда как функции и ответственность правителей разного уровня, их взаимоотношения между собой и с подданными регулировались различными правилами, формировавшими правовое поле. Необходимо заметить, что тусалагчи Галдан употребляет/использует в разных ситуациях разные термины. Можно ли, проанализировав их употребление в контексте, говорить о разных видах или формах права в Халхе XVII в.? Или различие терминов определяется их происхождением из разных языков?

Нам известен свод халхаских законов, объединенных общим названием «Халха Джирум» и составленных с 1709 по 1779 г. Законы, включенные в состав свода, обозначаются как *ᠰᠠᠶᠠᠵᠠ* (закон): *уеке ᠰᠠᠶᠠᠵᠠ* [Халха Джирум 1965: 123], *qulaγai-yin ᠰᠠᠶᠠᠵᠠ* [Халха Джирум 1965: с. 149] и др. В положении 1722 г. мы читаем: «Тавренных верблюдов и коней ни по каким делам кроме трех дел не давать. Если посланец и ямщик, зная это, возьмут подводу, то быть по древнему уложению (выделено мной. - Т.С.)» [Халха Джирум 1965: с. 26]. Более точно перевод выделенной мною фразы таков: «Пусть будет по правилам древнего закона» (монг. *erten-ü ᠰᠠᠶᠠᠵᠠ-yin yosoγar bui* [Халха Джирум 1965: с. 148]). Что свидетельствует о том, что фиксированные законы не только прежде были составлены, но и им следовали в практической жизни. Это было правилом, закреплявшим порядок в обществе, что и отразилось в названии всего свода законов - джирум. Знание этого порядка как системы выделяло отдельных представителей монгольской элиты и фиксировалось, что отметил тусалагчи Галдан. «В 1-е лето (правления) (1662. Восшествие на престол императора Канси. Монг. Энхэ Амугулан. - Т.С.) по особому высочайшему повелению сына цзасакту ханова преемственно возвели

в звание цзасакту хана, а сына Ахай-тайчжиева - Ахай дайчина постановили цзасаком, пожаловав ему титул «уважающего обычай Пунцук-тайчжи» (jirum-i erkimnekü pungčoy [ЭЭ 1883: с. 8]) и, дав обоим им печати и наказы, заставили приносить годовую дань» [ЭЭ 1883: с. 60]. Позже тусалагчи Галдан специально упоминает Пунцук-тайчжи, когда в 1686 г. из ямуны по управлению делами Внешней Монголии, чтобы объявить о проведении съезда, отправили сайдов и тайджи: к «уважающему обычай Пунцук-тайчжи» (jirum-i erkimnekü pungčoy tayiji [ЭЭ 1883: с. 15]) командировали дэмчи Цзотба-тарачжия гэлуня и младшего секретаря (министерства) Салая» [ЭЭ 1883: с. 65]. На мой взгляд, в этом случае, как и позже в XVIII в. термином jirum обозначался не обычай, как перевел А.М. Позднеев, а уже письменно фиксированной системой законодательных актов, определявшими правила и порядок жизни общества. Соответственно, выражение «jirum-i erkimnekü pungčoy tayiji» [ЭЭ 1883: с. 15] следует перевести как «Пунцог-тайджи, руководствующийся законами».

Если автор Эрдэний эрихэ отметил существование законодательного порядка - jirum, который требовал знания его и следования ему - в Халхе XVII в., то с точки зрения маньчжуров законов, которые бы соответствовали законам Цинской империи, не существовало. Вот как об этом пишет тусалагчи Галдан: «Когда, по высочайшему повелению (jarliy-iyar [ЭЭ 1883: с.30]), командировав Хорхчиньского цинь-вана Шачжина и других, послали их для от императора, передается словом jarliy, тогда как законы, которыми руководствовались в управлении подданными в Халхе, обозначались как čayaja qauli. На мой взгляд, перевод А.М. Позднеевым парного слова čayaja qauli двумя словами (законов и постановлений) не совсем верно, здесь нет союза «и» (qoyar). Стоит обратить внимание на то, что термин čayaja для обозначения правовых норм был известен и раньше, тогда как второе слово - qauli - появилось после контактов с маньчжурами и является заимствованным словом (маньчж. kooli -закон). Обозначаемые парным словом правовые нормы являлись руководством в юридической практике Халхи, что подтверждают и материалы, которые будут представлены ниже.

Что же касается того, что маркировал термин qauli, то можно с большой долей уверенности утверждать, что прежде всего им обозначались законы или постановления императора, которые

касались его отношений с властной элитой Халхи. Возможно, они были частью «Уложения Китайской палаты внешних сношений». Так, уже событиям 1638 г. приписывается следующее содержание: «...с этого времени высочайшим повелением (jarliḡ-iyaḡ [ЭЭ 1883: с. 1]) обязали трех халхаских ханов ежегодно представлять по одному белому верблюду и по восьми белых лошадей и постановили (это) всегдашним законом (egüride qauli bolḡabai [ЭЭ, 1883: 1]), назвав «данью (состоящую из) девяти белых» [ЭЭ, 1883: 54]. Указом императора (jarliḡ-iyaḡ) предписывались важнейшие функции властных структур, а оформление этих предписаний выливалось в составление документов законодательного характера (qauli).

Упоминания о появлении разного рода qauli после высочайшего распоряжения встречаются неоднократно и касаются взаимоотношений императора и халхаских правителей [ЭЭ 1883: с. 33/79]. Вот один из примеров. В 1655 г., «разделив (Халху) на два крыла восточное и западное, по высочайшему повелению, поручили в полное заведывание Тушету-хану и Мэргэн-нояну по одному цзасаку восточного крыла (tüsiyetü qan: mergen noyan-i čöm jegün ḡar-un niḡeged jasaḡ jakirḡaju [ЭЭ 1883: с. 6]). Ежегодное представление установленного количества дани (alba [там же]), приносимой халхаскими ханами, чжинунами, нойонами и тайчжиями - по восьми белых лошадей и по одному белому верблюду, называлось данью «девяти белых». Это именно и есть годовая подать (ene darui jil-un alban [там же]). Помимо того, что касается незначительных тайчжиев и табунанов (öčüken taujiḡ tabunang [там же]), то они должны были представлять, не различая масти и без расчета числа, смотря потому что имеет каждый; это называли «податью по состоянию». Вслед за составлением положений об этом (egün-i qauli bolḡaysan tayaldubar [ЭЭ, 1883: с. 6]), установили правила об ответных наградах (qariḡu sangnaqu qauli-yi toḡtaḡaju [ЭЭ, 1883: с. 6]) и точно определили для цзасаков роды серебряных сосудов, серебряных чаш, шелка, полотна; для других, малых тайчжиев, а равно и для посланцев, также установили последовательный порядок выдачи в награду шелковых материй и полотна. Со (времени) установления таких положений (eyin kü qauli toḡtaḡaysan-ača [ЭЭ, 1883: 6]) халхаские ханы с особенным старанием и покорностью, исполняли намерения, ходили, ежегодно доставляя дань и посылая послов» [ЭЭ, 1883: с.

58]. Переводы А.М. Позднеева демонстрируют, насколько сложно передать значение термина *qauli* в русском переводе: и законы, и положения, и правила, что видно и из следующего текста, где термин *ᠰауја* уже интерпретируется как «уголовные законы».

В 1691 г. «После того как пришел для принятия подданства хан Чихун-дорчжи, а вслед за ним пришли Цэцэн хан Умухэй и сын Цзасакту хана Цэнгуня - Цэван чжаб, все халхаские аймаки сполна пришли в подданство. (Император) полагал, что необходимо сменить и установить заново целиком все правила (*qauli* [ЭЭ 1883: с. 32]), по которым производились в чины (их правители) и постановлялись (у них) чиновники, и что помимо того нужно еще преподать (им, монголам) уголовные законы и постановления (*ᠰауја qauli* [ЭЭ 1883: с. 32]) и внушить о долженствующем быть соблюдении (этих законов), так как несколько десятков тысяч (семей) жили смешанно между собой» [ЭЭ 1883: с. 78]. Эта цитата подтверждает высказанное мною выше предположение о том, что термином *qauli* обозначаются указы или постановления императора по отношению к представителям властной элиты Халхи, тогда как парный термин обозначает ряд законов, регулирующих жизнь в Халхе.

Что же касается еще одного термина, обозначавшего закон - *yosun*, то он употребляется или в значении «по обычаю» (*yosun-iyar* [ЭЭ 1883: с. 32]), или в выражении, обозначавшем единство правил поведения и содержания учения: «Халхаские ханы и бэйсэ, все, чувствуя тебя, ламу, исповедуют твою религию и почитают (твои) обряды и вероучение (*yosu surγal-i erkimlemüi* [ЭЭ 1883: с. 10])» [ЭЭ 1883: с.61].

Анализ материала летописи «Эрдэнийн эриxe» показывает, что правовое поле Халхи XVII в. находится в стадии формирования при взаимодействии разных концептов, что определялось изменением политической ситуации в регионе - вхождение в состав Цинской империи. Характер новых властно-управленческих практик определялся рядом постановлений, указов, распоряжений, законов: *jarliγ*, который исходил только от императора; продолжением действия прежних законов - *ᠰауја*, *jigum*; новыми законами, диктуемыми маньчжурами - *qauli*, *dürim*), значение которых в политической культуре монголов представляет большой интерес и требует дальнейших детальных исследований.

Литература:

- Скрынникова 2017: Скрынникова Т.Д. Титулы властной элиты Монголии в летописи XIX в. // MONGOLICA-XIX. Сборник научных статей по монголоведению посвящается ведущим российским монголоведам, юбилярам 2017 года М.И. Гольману, В.В. Грайворонскому и К.Н. Яскиной. СПб. 2017. С. 29-33.
- Халха Джирум 1965: Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. Сводный текст и перевод Ц.Ж. Жамцарано. Подготовка текста к изданию, редакция перевода, введение и примечания С.Д. Дылыкова. Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1965.
- ЭЭ 1883: Монгольская летопись «Эрдэнийн эриxe». Полный текст с переводом и пояснениями. Материалы по истории Халхи. 1636-1736. А. Позднеев. СПб. 1883. 413 с.